

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

III ТЪМ

АРМАРКА НОВЕСТИ

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Ярмарка невест. Том III

«Автор»

2023

О.Шеллина (shellina)

Ярмарка невест. Том III / О.Шеллина (shellina) — «Автор», 2023

Петр решил вернуться в Россию и взвалить на себя обязанности наследника. И все бы ничего, но тетушка твердо решила женить его как можно скорее. Осталось убедить ее, что племянник тоже человек, и имеет право самостоятельно выбрать себе невесту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

О.Шеллина (shellina)

Ярмарка невест. Том III

Глава 1

– Петр Федорович, ваше высочество! – я приставил руку в перчатке ко лбу, потому что сегодня был на редкость ясный, хоть и дюже морозный день, и посмотрел на скачущего в нашу сторону всадника, заслонив глаза от слепящего яркого солнца.

– Ну что там еще произошло? – пробормотал я и поморщился, заметив насмешливо-сочувствующий взгляд Румянцева. Вот паразит, смешно ему. Хотя, будь на моем месте кто-то еще, я бы тоже с удовольствием посмеялся бы. Ситуация-то действительно развивалась забавная, почти до истерики. К счастью мы уже ехали из Ораниенбаума обратно в Петербург, успев сделать все, что я запланировал на сегодня, иначе точно была бы истерика, вот только, похоже, что на этот раз у меня. Тем временем всадник подъехал ближе, и я узнал в нем Ивана Лопухина.

И все-таки что-то мне удалось внедрить в этом времени. Я привил своему двору любовь к теплой одежде, во всяком случае зимой. Потому что, убивайте меня, но камзол с накинутым сверху плащом, пусть он хоть трижды подбит мехом, это, сука, камзол, на который сверху накинули плащ. В свое время, живя в Сибири больше десяти лет, я освоил одну простую истину: сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается. Правда, это не помешало мне самому замерзнуть до смерти, но это уже дела минувших дел, как говориться. А ввел я в моду свитер. Да-да, самый обычный свитер, заставив его связать плотнее, чем обычно делали, изготавливая шерстяные рубахи, и оснастить воротником. Сначала к моей новой обнове отнеслись скептически, потом распробовали. Я ни в коем случае не призывал надевать его на официальные мероприятия, там продолжал царствовать камзол, но как домашняя одежда свитера вполне подошли. Некоторые изменения претерпела и верхняя одежда. Это все еще оставались плащи, только они в обязательном порядке обзавелись рукавами, до этого рукава были далеко не на каждом плаще, и подбивка мехом шла основательная, с выходом наружу в виде оторочек и широких воротников. Нечто подобное носили, как это ни странно, в более древних временах и меня всегда не покидала мысль, что же в итоге пошло с одеждой и модой в целом не так, на какую-то кривоватую дорожку мода свернула, если честно. Так что, одним из пунктов моих планов, если им суждено будет сбыться, стояло упрощение всех форм великосветского гардероба до приемлемого уровня, и, по-моему, освободить крестьян, хоть я и не собирался пока этого делать, будет проще, чем заставить дворян стать в этом плане более аскетичными. Но ничего, поживем-увидим, я могу быть очень упрямым.

– Ее величество призывает к себе, Петр Федорович, – Лопухин поравнялся со мной и на ходу выпалил поручение. – Говорит, что умирает, и что ей надо перед смертью вам много наказов успеть дать.

Я только рыкнул, пуская коня рысью, а сзади до меня донеслись тщательно скрываемые смешки. Нечто подобное, я, конечно, предполагал, как только опознал Лопухина в несшемся ко мне всаднике, но, ей богу, это уже становится невыносимым! Вот только делать было нечего, и я понесся напрямик в Зимний едва ли не галопом. Чем быстрее я доберусь до тетушкиных покоев, тем сильнее облегчу себе жизнь, потому что в противном случае страдать мне придется долго и мучительно.

Началось все с того, что я примчался в Петербург, оставив далеко позади Георга с его хитромудрой женой и половиной охраны, как только узнал про то, что Елизавета не здорова. Мы ехали, почти не отдыхая, только коней меняли на почтовых станциях, довольствуясь коротким сном, после столь же редких перекусов.

В Петербург мы въехали грязные, вонючие, потому что уже пятый день не могли как следует вымыться, и осунувшиеся. Во дворце мне сообщили, что Елизавета все еще не вставала с постели и даже министров принимала в спальне, настолько ей плохо. Вот честно, я даже начал подозревать самое худшее, и ворвался в спальню к государыне даже не переодевшись. Сначала мне действительно показалось, что тетушка едва ли при смерти, но, подойдя поближе, увидел, что она не бледная, а очень обильно напудрена. Но даже рисовая пудра не смогла скрыть вполне здорового румянца. Окинув взглядом комнату, я убедился, что не все так уж и плохо, потому что, когда все действительно ужасно, не пытаются спрятать тарелку со всевозможными сладостями под одеяло.

– Петруша, душа моя, ты приехал, – проговорила Елизавета слабым, дрожащим голосом и картинно поднесла руку ко лбу. – Я-то уже и не надеялась вновь тебя когда-то увидеть, – подойдя к постели вплотную, я сел на стул, стоящий возле ложа «умирающей» императрицы, и втянул носом воздух, пропитанный терпкими духами, а отнюдь не впитывающийся даже, кажется, в стены запах присущий всем тяжело больным людям.

– Ну что вы, тетушка, как вы только могли подумать, что я могу не поспешить, узнав о вашей болезни, – похоже, что максимум, куда меня теперь отпустят, это до Москвы и обратно, возможно, с заездом в Новгород, а, может быть и без этого заезда, и то, вряд ли. Во всяком случае в ближайшее время, до того момента, пока я не женюсь и у меня сын не появится.

– Я молила Бога, чтобы он позволил нам с тобой снова встретиться, – я криво улыбнулся и похлопал ее по руке, лежащей на постели, в то время как вторую она все также прижимала ко лбу.

– И Господь услышал ваши молитвы, и я верю, что сейчас все будет хорошо. А теперь позвольте мне уже пойти переодеться, да пот с грязью с себя смыть, а то я удивляюсь, как же вы, тетушка, вообще меня узнали.

– Да, сложно это было сделать, – она покачала головой. – Ты так возмужал, уже мужчина, не мальчик. Ступай, отдыхай, думаю, что сегодня найду уже в себе силы, чтобы отужинать за столом, как и полагается. Ты же составишь мне компанию?

– Конечно, тетушка, как вы можете сомневаться. Я с удовольствием поужинаю в вашей компании, – и я быстро ретировался. Как только я вышел из спальни, слащавая улыбка сползла с моего лица. Похоже, Елизавета решила извлечь из своей болезни, весьма неприятной, это действительно так, максимум пользы. Только как бы мне самому после этого извлечения не слечь с нервным приступом, а курортов на море у нас пока нет, нервишки подлечить негде будет.

Мои самые пессимистические прогнозы сбылись на двести процентов. Похоже, что даже поездка в Москву мне в ближайшей перспективе все-таки не светит. Приступы эпилепсии, или падучая, как их называли, происходили не слишком часто, не чаще раза в месяц, обычно на первый день полнолуния. Так что в другое время Елизавета начинала из симулировать. Происходило это не реже одного раза в две недели, когда она на сутки, больше сама не выдерживала, ложилась в постель «умирать» и приказывала доставить меня к своей постели, чтобы дать последние наказания.

Кроме этого, да привычки распорядиться моими людьми, Елизавета особо в мою жизнь не лезла, лишь иногда устраивала этикие «экзамены», чтобы понять, что племянника хорошо учат. Эти, выглядевшие нелепыми, попытки экзаменовать меня оборвались где-то через пару месяцев, после моего возвращения, когда произошел один случай, во время которого я не сдержался и вспылел. Похоже, что нервы у меня постепенно все же начали сдавать.

Однажды я сильно устал и был зол, потому что при испытании рванула канализационная труба во дворце моего будущего поместья, и, пока мы с Брюсом разобрались в причинах, наступил вечер, хотя прорыв случился утром. Я ползал по специально укрупненным в полном соответствии с согласованным со мною проектом подвалам вместе с Брюсом, а когда выползли на свет Божий грязные и злые, то поняли, что можем вполне ладить друг с другом. При этом мой арсенал достаточно сильно обогатился различными заковыристыми ругательствами как на русском, так и на немецком языках, я даже парочку записал, чтобы не забыть. Брюс оказался настоящим профессионалом, и мы, наконец-то заговорили на одном языке. Инженеры всегда поймут друг друга, и мы с ним не были исключением. Хорошо еще, что отделочные работы не начались, а то все переделывать пришлось бы, и мой бюджет вылетел бы при этом в трубу. Ругаясь, как портовый грузчик, а вовсе не граф и отец весьма уважаемого семейства, Брюс умчался отворачивать головы мастеровым, которые трубы делали, я же поехал в Зимний, чтобы поужинать с теткой и избежать таким образом очередного приступа неизлечимой болезни, который непременно последует завтра, если я опоздаю или, ни дай бог, вообще не приду.

И, конечно же, по всем законам подлости Елизавета не смогла выбрать более подходящего времени, чтобы не начать задавать мне дурацкие вопросы, пытаясь таким нехитрым способом выяснить степень моей образованности. Хотя у нее самой образования не слишком доставало, Петр I не заморачивался этим, а с Екатерины что было взять? Но, даже, несмотря на тот мизер, что тетка в свое время получила, ей его хватало в первое время, чтобы чувствовать себя едва ли не ученой дамой перед совершенно деревянным племянником. Тем более, что действительно многого из того, что должен знать наследник престола я не знал, а о еще большем имел лишь смутные представления. Учил же меня Штелин просто отлично. Он во многих аспектах разбирался и делал акцент именно на том, что мне сможет пригодиться в будущем, не обходя при этом изучения настоящего искусства всех правителей и дипломатов – лицемерия. Но в тот день я действительно жутко устал, поэтому отвечал на вопросы Елизаветы, не думая.

– Чем ты сегодня занимался, Петруша? – спросила она как бы невзначай. – Я заметила Якова Яковлевича, который бродил по галерее в одиночестве и не преминула спросить, почему он гуляет в то время, как должен с тобой науки различные осваивать. На что он ответил, будто это ты отменил урок, потому что в Ораниенбауме что-то сломалось, и ты рванул туда, даже не позавтракав.

– А, да. Я полдня лазил по подвалам, а следующие полдня пытался вбить в тупорылые головы, что, когда им приносят чертеж, они должны делать все строго по этому чертежу, а не устраивать отсебятину. Что чертеж уже все необходимое учитывает, что должно запас прочности у изделия увеличить, также, как и стойкость к динамическим нагрузкам. При этом Александр Романович чуть ли не на пальцах объяснял, почему так важно соблюдать все размеры, которые он лично прорисовывал. Я конечно понимаю, что для многих мастеровых и строителей плюс-минус пробег между почтовыми станциями – это вариант нормы, но, черт подери, неужели нельзя сделать все точно?! – и я даже вилку швырнул на тарелку, ненавидящим взглядом глядя на стол, заставленный различными яствами. – Почему здесь никогда нет картохи? Одни не могут трубу сделать четко по чертежу, другие картоху сварить! Я что так много прошу?

– Э-э-э, успокойся, Петрушенька, – Елизавета тревожно переглянулась с Разумовским. – Тебе, душа моя, отдыхать побольше надо, да. А картоху тебя сварят, не волнуйся, завтра же и сварят, ежели ты так ее хочешь.

– Спасибо, тетушка, пойду я, что-то аппетит весь пропал, – уже подходя к двери я слышал встревоженный шепот.

– Не нравится мне что-то, Алешенька, как Петруша выглядит. Слишком бледненький он, – на что Разумовский добродушно ответил.

– Ну что ты, Елизавета Петровна, нормально парень выглядит. Вытянулся, заматерел, плечи вона как развернулись. Уже не похож на немочь бледную, кою нам из Гольштинии привезли. И все благодаря тебя, твоей заботе.

Дослушивать я не стал, вышел из столовой. Зато после этой моей вспышки Елизавета меня почти на месяц оставила в покое, но через месяц все вернулось на круги своя, правда, экзамены прекратились, а на столе с завидной регулярностью стала появляться картошка. Первое время она была не проваренная и не соленая. Спорить с теткой я не мог, не слишком часто, во всяком случае, а вот пойти на кухню и ткнуть повара в его же собственное дерьмо, мне позволили и статус, и совесть. Они же позволили мне пообещать повару скормить ему его же собственные яйца, если он снова подаст подобную гадость, даже не попробовав, что же он на императорский стол притащил. С тех пор картошечка подавалась просто на загляденье, хоть какая-то радость для души.

Затормозив возле парадного входа, я соскочил с коня, бросил поводья подбежавшему конюху и направился напрямиком в теткину спальню, на ходу снимая свой модернизированный плащ. В будуаре императрицы сидел, вытянув ноги, Шувалов. Он откровенно скучал и вяло заигрывал с четверкой прелестных девиц – фрейлин Елизаветы, которые сидели подле спальни, занимаясь рукодельем и ожидали вызова, а вдруг императрице что-нибудь срочно понадобится.

Когда я стремительно вошел в комнату, на ходу бросая плащ в кресло, девицы вскочили и присели в глубоком реверансе, и даже Шувалов соизволил оторвать задницу от стула, и приветствовал меня не слишком глубоким поклоном. Ну да ладно, не очень-то и хотелось. Хотя острое желание послать его поднимать сельское хозяйство Гольштинии становилось в последнее время почти навязчивым.

Из спальни государыни в этот же момент вышел Лесток, на ходу пытаясь закрыть свой сундучок.

– Что с ее величеством, – я шагнул к нему.

– Мигрень, – лейб-медик, до недавнего времени пользующийся практически неограниченной властью, раздраженно захлопнул крышку сундучка, я перевел взгляд на эту «сумку лекаря», а ведь саквояж сделать не слишком сложно, надо будет с каким-нибудь мастером, который с кожей работает поговорить на этот счет. Лесток же едва ли не бросил сундучок на пол и раздраженно поправил съехавший набок парик. Он сейчас пребывал в небольшой опале, и его визиты во дворец свелись до уровня доктор-пациент. Самого Лестока такой вариант не слишком сильно радовал, и винил он во всех своих бедах прежде всего почему-то Бестужева. Мне было бы весьма интересно наблюдать за их противостоянием, вот только ни тот, ни другой меня не устраивали, и я тихонько под них копал, надеясь, что смогу в один прекрасный момент свалить обоих. Главное, что пока они друг на друга думали и подозревали во всех смертных грехах, в мою сторону ни тот, ни другой не смотрели, а Бестужев почему-то считал едва ли не деревенским дурачком. На чем был сделан такой вывод лично для меня оставалось загадкой, а сам он мне ничего не говорил и не объяснял, но в какой-то мере подобное отношение было мне пока что даже на руку, и я не спешил менять мнение Бестужева обо мне.

– И отчего же у ее величества такая мигрень разыгралась, что это уложило ее в постель, несмотря на государственные дела, которые не ждут отлагательств? – я нахмурился, а Лесток отошел немного от двери и тихо, так, чтобы его мог слышать только я, проговорил.

– Сейчас у ее императорского величества всего одно государственное дело, которое требует безотлагательных решений – это будущее престола Российской империи. И вы, ваше императорское высочество, совершенно не помогаете ей решать эту наиважнейшую проблему. Оттого у ее величества мигрени и случаются. Я сегодня отворил ей кровь, и только благодаря этому ее величество еще может сохранять бодрость духа.

– Ну да, конечно, куда бы мы без вас с вашим кровопускание делись, господин Лесток, – пробормотал я, отодвигая его в сторону и заходя к тетке в спальню, в которой я ее в последние полгода вижу чаще, чем в тронном зале.

– Петруша, подойди, пока не настал мой смертный час, – слабым голосом позвала меня Елизавета и я послушно пошел к креслу, которое уже закрепилось за мной. Я ведь хороший племянник, лечу как на крыльях при любом капризе.

– Я считаю, что кровопускания не приносят вам пользы, тетушка, уж простите за откровенность, – я взял протянутую руку и сжал в своей. – Позвольте моему доктору осмотреть вас.

– Пустое, меня вполне устраивает Иоганн Германович. К тому же, я не доверю никому, кроме него, сделать мне кровопускание.

– Тетушка, я очень за вас волнуюсь. Пожалуйста, позвольте Флемму вас осмотреть. А кровопускания он не делает, я ему запретил.

– А Флемм, это тот молодой нахал, который имел наглость предложить мне провести усовершенствованную им вариоляцию? Как он ее назвал, – Елизавета нахмурилась, но затем ее лицо разгладилось, и она улыбнулась. – Прививка. Точно, он предлагал мне прививку, говоря, что уже даже тебе ее сделал.

– Да сделал, более того, ежели вы запомнили, то я просил, и вы милостиво разрешили провести испытания в тюрьме. Испытания те завершились вполне успешно, и прививку сделал не только я, но и все гвардейцы моего полка, моряки «Екатерины» и все мои приближенные. Я не хочу умереть или стать обезображенным оспой, меня вполне моя внешность устраивает. Но сейчас это, право, не важно. Важно лишь ваше драгоценное здоровье.

– Ах, я была бы куда спокойнее, и не так переживала бы, что могу оставить тебя в столь юном возрасте, если бы ты выбрал бы уже себе невесту, – простонала Елизавета. – Под Новый год приедут иноземные принцессы на гулянья, которые я хочу организовать, а ты ни одного портрета так и не посмотрел. А ведь я просила Румянцева лично проследить за тем, чтобы ты все их увидел.

– Вот же дятел, ну Петька, я до тебя доберусь, – пробормотал я, и тут же более громко ответил. – Я многих из них видел, так сказать, живую.

– Что всех? – у Елизаветы даже голос окреп от удивления.

– А сколько их планирует приехать на эти ваши гулянья?

– Обещалось двенадцать и трое еще в раздумьях, – я от неожиданности крикнул.

– Сколько? Но, тетушка, хватит ли у вас здоровья, чтобы со столькими девицами наравне на балах отплясывать?

– Надеюсь, что к тому времени поправлюсь, с Божьей помощью. Так что, никто из принцесс, которых ты живую видел, тебе не нравится? – я вздохнул. Перспектива быть привлеченным к развлекательным мероприятиям в приказном порядке маячила совсем рядом.

– Я уже говорил, что мне весьма симпатична польская принцесса Мария Анна Сабина... я не помню, как там дальше, – покаялся я, опустив голову. Елизавета поджала губы.

– Это не лучший вариант для тебя, – наконец, протянула она. – Но я послала ей приглашение. Август выразил свое согласие, так что посмотрим на эту девицу вблизи, и тогда выскажем свое мнение.

– А могу я поинтересоваться, тетушка, а сколько времени планируется отвести на этот шаба... эм, этот праздник? – у меня начали закрадываться смутные опасения, что этот спектакль с умирающей императрицей поставлен не просто так, а, чтобы подготовить меня к весьма неприятным известиям.

– Петруша, ты же не думаешь, что мы выгоним девиц, стоит им только приехать? – Елизавета вырвала свою руку из моей и села в постели.

– Тетушка, сколько по времени продлится этот верт... Господи, эта ярмарка невест?

– Петя, я знаю, что ты не любишь светские увеселения. И я клянусь тебе, что запланированный на апрель маскарад мы проведем так, как ты этого захочешь, а не в привычной нашему двору манере, – я почувствовал, как у меня дернулся глаз. На апрель? Серьезно, вашу мать? – А вообще, я считаю, что негоже будет отправлять в путь девушек, пока погода не будет способствовать длительным путешествиям. Хватит с них и зимней поездки, в которую многие уже отправились, дабы встретить Новый год уже в Петербурге, а не в убогой таверне.

– Тетушка, сколько?

– Я думаю, что сразу после Ивана Купала можно будет начинать собираться в путь. Невеста будет к тому времени определена, все договора, коли таковые будут представлены, уже заключены...

– Я, пожалуй, пойду, – я поднялся с кресла и склонился к надушенной ручке «умирающей». – Вижу, что вам уже гораздо лучше, тетушка, а у меня все еще есть дела.

– Да-да, Петенька, ступай. Я рада, что ты так же, как и я, понимаешь, что это будут не просто увеселения, от твоего выбора и скорейшего рождения у тебя сына зависит будущее Российской империи, – торжественно произнесла Елизавета. Вот все и встало на свои места, я так и думал. В остальных-то аспектах Елизавета была вполне вменяема и правила твердой рукой, опираясь на совсем неглупых советников. В стране хоть и не происходило глобальных реформ, но и потрясений сильных не наблюдалось, и даже чувствовалось некоторое процветание. Но вот мысль о моей скорой женитьбе, похоже, у нее в идефикс переросла. И неважно, что мне сейчас пятнадцать, и церковь будет коситься, если раньше семнадцати я под венец попрусь.

– Конечно, я понимаю, – я улыбнулся, чувствуя, что начинает дергаться второй глаз. – И постараюсь вас не разочаровать. Да, кстати, пользуясь случаем, хочу попросить у вас изволение заняться проектом школ для всех детей, включая крестьянских, как вольных, так и крепостных.

– Зачем? – Елизавета невольно нахмурилась. Проект этот звучал, как очень большие затраты даже на этапе подготовки.

– России нужны грамотные люди, тетушка, – я перестал улыбаться. – Разве я в чем-то не прав?

– Ну, хорошо, попытай счастье, – наконец, она кивнула. – Ты прав, России нужно много своих знающих и грамотных людей, хватит уже иноземцев привечать.

– Так я скажу Давиду Флемму, чтобы он к вам заглянул? – уже отходя от постели как бы невзначай спросил я.

– Скажи, – Елизавета махнула рукой. – Но, если ты думаешь, что ему удастся меня уговорить на эти ваши дьявольские эксперименты, то вы оба ошибаетесь! – крикнула она мне вслед.

– Ага, посмотрим, – пробормотал я, закрывая за собой дверь. Оказавшись в будуаре, я, прошел прямо к столу, на котором стояли корзины с рукодельем и смахнул одну из них на пол, а потом что есть силы пнул подкатившийся под ноги клубок ниток. – Черт, черт, черт! – как ни странно, но мне немного полегчало.

– А вас Андрей Иванович искал, ваше высочество, – девушка, которая сообщила мне эту новость, смотрела недоуменно и немного испуганно.

– Он сказал, где будет меня ждать? – я схватил плащ и направился к дверям.

– Андрей Иванович сказал, что будет ждать там же, где и всегда, ваше высочество, – ответила девушка моей спине. Пока я шел к дверям, то так и не вспомнил, как ее зовут.

– Понятно, – я невольно усмехнулся. Ушаков категорически отказывался встречаться со мной в кабинете, говоря, что в моей спальне кресла удобнее для его больных ног. Ну что же, место встречи изменить, похоже, нельзя. Надеюсь, что хоть он с добрыми вестями.

Глава 2

Войдя в спальню, я бросил плащ на стул и повернулся к Ушакову, который в этот момент расположился в удобном кресле и чесал за ушком урчащую Грушу.

– Я смотрю, вы поладили, – проговорил я, окидывая выразительным взглядом открывшуюся передо мной картину. – Она больше не пытается тебя убить, Андрей Иванович, выбив из рук трость, или бросившись под ноги, чтобы злонамеренно уронить на пол?

– Господь с вами, ваше высочество, – махнул рукой Ушаков. – Ну, когда Грушенька пыталась навредить мне? Мы с кошечкой очень хорошо друг к другу относимся, правда, милая? Я даже котеночка возьму, когда она разродится, – вот еще одна моя головная боль – моя кошка решила осчастливить меня котятами. В такие моменты я по-настоящему скучал о своем оставленном в небытие мире, где проблемы кошек подобного плана решались в ветеринарной клинике за сравнительно небольшие деньги. Потому что я, хоть убей, не представляю, что буду делать с котятами. Одно знаю точно, утопить не решусь.

– Признайся, Андрей Иванович, ты сюда ходишь, чтобы с кошкой на коленях посидеть, да под ее мурчание подремать, – я протер лицо руками и сел за стол.

– Ну, а как же иначе-то, ваше высочество? Нужно же где-то старику устроиться. А сюда шельма эта, что на мое место зубы точит, Алексашка Шувалов никогда по своей воле не зайдет, ежели только, что от государыни нужно будет вашему высочеству передать. Да еще похвалиться хочу, клуб-то мой, уже почитай готов, только вот супостаты никак не уймутся, и приходится мне в сырых подвалах Петропавловского острова сидеть, а суставы-то болят уже, от сырости ноют, проклятые. И это вместо того, чтобы с мужами достойными достойным увеселениям предаваться. М-да, вот как оно в жизни-то случается, ваше высочество, – он покачал головой и продолжил рассеянно гладить Грушу. – Куда-мальчонку-то Васиного определили? Что-то я его при вашем дворе давно не встречал, ваше высочество.

– Мушкетером к Семеновцам, – я поморщился. Саша Суворов довольно стойко принял известия о гибели отца, но на следующий день пришел ко мне с просьбой пристроить его на воинскую службу. Я сначала хотел его в свой полк взять, но потом передумал. Мальчик был слишком принципиальным, и вполне справедливо мог расценивать это как кумовство. Раз уж наука воинская так его увлекает, то пускай учится, шишки сам себе набивает, проходит службу почти «от и до». – Да упросил командира Сашиного отпускать отрока к кадетам в Сухопутный корпус, чтобы теорию воинскую вместе с другими постегать сумел.

– Похвально это. Мальчик всегда любил в сражения играть. Да еще Ганнибал его поощрял к тому. Большие друзья Вася-то с Ганнибалом были. Его в доме Суворовых как родного привечали. Вечно они с Сашей в саду фортификации строили, аж пруд из берегов выходил. Вот же Авдотья Феодосьевна бранилась почем зря. Было дело, – добавил Ушаков и весьма деликатно спустил с колен на пол растекшуюся по его коленям кошку. – Иди, милая, у тебя же наверняка свои кошачьи дела имеются.

– Да, свои кошачьи дела она уже сделала, – я хмыкнул. – Но сейчас хотя бы мышей дохлых мне в постель не таскает.

– Отвыкла просто, – Ушаков подвинул к себе трость. – Я вот тут поговорить хотел, а о чем, забыл совсем, отвлекся на Суворова и все мысли сбил. Старость, она такая, тут помнишь, как дворовую девку пытался в пятнадцать лет в уголке укромном зажать, а тут не помнишь, что на завтрак ел, и ел ли завтрак вообще. Так грешным делом думать начинаешь, а может, ну его? Передать дела все Шувалову, пускай он теперь в дерьмо это да с головой окунется, а потом думаешь, ну никак нельзя сейчас прямо дела-то передавать. Надобно начать хотя бы как

следует переделку, что ваше высочество затеял, потому что чую, верное это дело. А Шувалов все испоганит, вот помяни мое слово.

– Рано еще о покое задумался, Андрей Иванович, – я встал и прошелся по комнате. В последнее время часто так делаю, на ходу думается лучше. – Сейчас, когда Василий Иванович погиб, тебя и заменить-то некем. Ну не Шуваловым же, право слово. Нет, я против него ничего не имею, просто не припомню, чтобы он к делу рвался. Отчего-то ни разу столкнуться нам не получилось, когда я в крепости бывал.

– Ну, а я что говорю? – Ушаков развел руками. – Я вот к государыне шел доклад сделать, но узнал, что занемогла она, а потому подумал, а не пойти ли мне к Петру Федоровичу, про клуб похвастать, да сказать, что Тайная канцелярия готова к разделению. Устав осталось подправить, командиров главных за отделами назначить, да, помолясь, сразу с Нового года по всей Российской империи начать в городах губернских управы открывать со всеми нововведениями. Уж и государыня указы все положенные подписала, похвалить вас при этом изволила, за придумку такую дельную. А сегодня доклад должен был быть очень сложный, да безотлагательный и надо же, занемогла Елизавета Петровна, горе-то какое.

– Ничего, тетушке уже лучше, можешь, Андрей Иванович, спокойно ей все докладывать идти, что собирался.

– Вот это хорошие известия, да, – Ушаков поднялся с кресла, тяжело опираясь при этом на трость. – Пойду, порадуя Елизавету Петровну, жив ее Бутурлин. Ранен только был, но сейчас уже оклемался родимый. В Петербург едет, да не один. Трех Демидовых везет сюда на покаяние. А вот ежели бы успели мы задумки все исполнить, то, глядишь и Василий не погиб бы, – он махнул рукой. – Эх, что сейчас душу травить, седланного не вернуть, только вот повод поторопиться появился, да.

– А ты чего все-таки приходил, Андрей Иванович? – тихо спросил я.

– Так ведь про Бутурлина да про Демидовых-то сказать, – Ушаков направился к двери, опираясь на трость. – Вскорости их в крепость Петропавловскую доставят, вот я и пришел спросить, придете ли вы при дознании присутствовать? – Хороший вопрос. Обычно, я на дознания не хожу. Не то что в обморок падаю, как только начинается так называемый допрос с пристрастием, но мне это неприятно. Вот такой я чистоплуд, оказался. Результатами дознания я с превеликим удовольствием пользуюсь, а вот самому там сидеть, нет уж, увольте. Зачем, если существуют специально обученные люди, которые все сделают в лучшем виде? Другое дело Демидовы. Это на их предприятиях постоянно вспыхивают бунты. И в тот момент, когда даже до тетушки дошли известия о нескончаемых волнениях, весьма жестоко подавляемых, и она направила на Уральские заводы, скажем так, комиссию по расследованию данных происшествий, во главе с бывшим любовником, и Василием Суворовым, представляющим Тайную канцелярию, произошла трагедия. Что там случилось, кто виноват, и другие подобные вопросы терзали, похоже, не только меня. Ясно одно, Бутурлин никогда не сошел бы с ума настолько, чтобы схватить просто так без очень веских на то оснований самых крутых промышленников этого времени. Ему никто не позволил бы это сделать. Что-то там произошло на тех заводах, и ответ на этот вопрос могут дать только сами Демидовы. Частично, конечно, Бутурлин расскажет, но он может не знать полной картины. Нет, знает он достаточно, и этого ему хватило, чтобы произвести арест, но все подробности знают только заводчики. Вот только присутствовать на дознаниях...

– Нет, Андрей Иванович, – я покачал головой. – Я лучше сам поговорю с ними, без палача, но только тогда, когда они уже созреют и начнут говорить правду. Так что проводи дознания без моего участия, а как все будет сделано, так и оповестишь меня.

– То есть, беседу с заводчиками вы, ваше высочество, хотите провести после того, как допросы будут закончены? – уточнил Ушаков.

– Да, Андрей Иванович, именно так. Чтобы мне с моим невеликим опытом начинать беседовать с такими людьми, как Демидовы, нужно знать ответы хотя бы на часть вопросов. Уже не на все, не до хорошего, – я дошел до стены, развернулся и неспешно направился к противоположной стене. Груша села посередине комнаты, обвила себя хвостом и внимательно смотрела, как я мечусь от стены к стене, поворачивая вслед моим движениям голову, словно зритель на теннисном турнире, который неотрывно следит за летающим по корту мечом.

– И что же, думаете, ваше высочество, что не все мы сможем узнать? – Ушаков от удивления даже перестал корчить из себя столетнего деда. Правда на трость опирался тяжело, подагра разрушала его суставы и поделаться с этим ничего было нельзя, я не медик и понятия не имею, чем она лечится, и какой именно травкой можно заменить специализированные лекарства. Мои познания в медицине заключались в том, чтобы дойти до аптеки и протянуть фармацевту рецепт, так что я ничем помочь Ушакову облегчить боль не мог.

– Я почти уверен в этом, – остановившись, я посмотрел на него. – Поэтому не переусердствуйте. Все свои секреты Демидовы все равно никогда не выдадут, но нам все и не нужны. Давите конкретно на убийство Суворова. Они должны почувствовать, что мы не сомневаемся в том, что это целиком и полностью их вина. И что намереваемся доложить об их причастности государыне.

– А ведь нас не только гибель Суворова интересует, ваше высочество, – Ушаков переставил трость, и переступил с ноги на ногу. – Нам бы понять, почему у них все время неспокойно. Такие вот беспокойствия на заводах прямиком к смуте ведут, и нам важно понять, как не допустить такого развития. Ну и понять, почему убили Василия, и чуть на тот свет Бутурлина не отправили, это само собой разумеющееся, и самое главное, кто это сделал. На эти вопросы, полагаю, они ответят, тем более, что, как вы, ваше высочество, и сказали, мы знаем ответы на часть вопросов. Тем более, что Александр Борисович лично присутствовал при давешних событиях, и даже был ранен. Хотя, мутное это дело, очень мутное. Да и Александр Борисович поведал в письме, что зачинщиков именно этого бунта им выявить так и не удалось.

– Плохо, – я оперся на стол, и качнулся с пятки на носок. – Обычно зачинщики и не скрываются, наоборот, выпячивают свою особенность, то, что сумели умы людей затуманить и оболваненных грех на душу взять заставили, а то и не один. – Мы замолчали, каждый обдумывал что-то свое. Наконец, я махнул рукой. – Да что же я задерживаю тебя, Андрей Иванович, в то время, как ее величество доклада ждет. И письмо мне Бутурлиным присланное передай, будь так добр. Своими глазами его оправдания увидеть хочу.

Ушаков задумчиво посмотрел на меня, словно сказать что-то намеривался, но так ничего и не сказал, молча кивнул и за дверь вышел, оставив меня наедине со своими мыслями. Постояв немного рядом с Грушей, которая все также сидела, обвив себя хвостом, и смотрела на меня немигающими глазами, которые с возрастом стали желтыми с несколькими темными точками. Качнувшись еще раз с носков на пятки, я повернулся к стене и продолжил прерванный променад по комнате, предаваясь размышлениям.

Урал – это на сегодняшний день ключ к процветанию Российской империи. Все, что за ним нужно как можно лучше осваивать и заселять, а также начинать геологическую разведку. Нефть и газ – это, конечно, очень здорово, но в современных реалиях пока не слишком востребовано. На первом месте стоит уголь, различные руды и золото. Все это будет работать в перспективе. Урал же почти весь уже разведан и именно на нем должна быть завязана львиная доля экономики страны. Вот только в Уральских горах, богатых различными жилами, практически безраздельно царствуют Демидовы. Точнее, царствовали, а сейчас их везут как арестантов в Петропавловскую крепость. Бунты на Уральских заводах были всегда, и о большинстве из них Петербург не то что не знал, даже не догадывался. Конечно, я немного был в курсе и причин этих недовольств, и методов, с помощью которых Демидовы возвращали себе утраченный было порядок. Даже, если выяснится, что Суворов погиб не от рук самих заводчиков и их

людей, и Елизавета отпустит их восвояси, с этими олигархами местного разлива нужно будет что-то делать, вот только что?

Самое оптимальное, что приходило мне на ум, это убрать с заводов крепостных, которые и были основной причиной всех этих бунтов. Демидовы иногда путали берега, вот этот факт имелся в их биографии. Они крепостных не считали за людей и думали, что эти создания могут работать за пайку жратвы круглыми сутками, двадцать четыре на семь без перекуров, невзирая на возраст. Так что, чтобы справиться с первопричиной, нужно попросту убрать ее с глаз долой. Совсем убрать, без лазеек и вариантов. Обосновать это каким-нибудь манифестом, ну не знаю, приуроченному к моей помолвке, например, меня же все хотят побыстрее женить, вот от счастья великого манифест и родится, в муках, не без этого. Объявить крестьян, находящихся в крепости неприкосновенными, в том плане, что жратву кому-то производить надо и размениваться на каких-то там Демидовых мы не намерены, пускай мышку поймают и заставят на своих заводах работать. И это будет касаться не только Демидовых, но и всех остальных промышленников. Ну, а дальше разработать и утвердить нормативный план по охране труда. Опять-таки с обоснованием, уж оно-то проще не придумаешь – если работник сыт, здоров, отдохнувший, и подучающий за свой труд хоть небольшую, но копеечку, то и развитие производства пойдет семимильными шагами. Там ведь прямая зависимость идет. Надавить на Демидовых сейчас легко и надо этим воспользоваться, потому что больше шансов может и не быть. Прости меня, Василий Иванович, прости родимый, но я воспользуюсь твоей гибелью, чтобы дожать Демидовых. А если они начнут сопротивляться, то можно ведь легко подогреть Елизавету на праведный гнев, постоянно ей бывшего любовника напоминая, который был на заводах тяжело ранен, чуть Господу душу не отдал, видишь, тетушка, до сих пор прихрамывает, да точно прихрамывает, на обе ноги, поэтому и сильно не заметно, даже танцевать отказывается. Для человека, лечащего паранойю кровопусканием такое на раз пойдет. Мне же главное градус недовольства поддерживать на достаточном уровне, и вот тогда можно Демидовым выкатить ультиматум, или они принимают мои условия, или едут чуть дальше своих вотчин, работать на благо империи на лесоповалах, попутно в молитвах молить Бога за скорейшее полноценное выздоровление Бутурлина.

Другой вопрос, а где брать рабочих на заводы, если крепостных убрать? Специально их никто пока не растит и не учит, они практически все, кроме мастеров, из крепостных выходят. У меня были мысли по этому поводу. То, что замена должна произойти, это понятно. Я не верю в полную универсальность человека: ну, не может он качественно поле вспахать и какой-нибудь редкий сорт капусты вывести, а на завтра пойти и высококачественную сталь отлить, не может! Мне вон, вроде бы мастера, которые исключительно с железом работают, партию труб закосячили, а что взять со вчерашнего крестьянина. Я ни в коем случае не приножаю труд землепашца, потому что это правило работает в обе стороны. Но просто так взять и убрать крепостных нельзя, потому что их заменить пока нечем.

Нужно будет организовать переходный период, во время которого на заводах все те же крепостные будут трудиться. Тут просто нет другого выхода. Параллельно Демидовы, у которых душа просто как солнышко, создадут за свой свет пару училищ, где будут готовить полноценных рабочих, умеющих читать и писать, ко всему прочему. В училища набирать по желанию, но с условием – десять лет обязан отработать, иначе штраф такой придет, что проще самому в долговой яме закопаться. Постепенно выпускники этих училищ крепостных на заводах заменят. Обязательно кинуть клич среди тех, кто уже трудится на заводах, может кто из них категорически не захочет к земле возвращаться. Этим день рабочий сократить, сменность создать, обучать в вечернее время, но в обязательном порядке, по упрощенной программе, все-таки какой-никакой у них имеется. Ну и в этот переходный период новые условия труда выкатить с главным и обязательным условием – нормирование рабочего времени и оплата труда. Я даже название переделывать не буду «Трудовой кодекс» и никак иначе. Обкатать его на Деми-

довых, подправить, ежели какие-то погрешности допущу, и по России запустить, как документ государственного образца. Будет ли трудно? Еще как будет. Будут ли верещать все, кому ни лень? Да хоть хор собирай. Но я верю, что мы способны все эти трудности преодолеть. Самое главное, нужно доподлинно выяснить, что же на заводах произошло, из-за чего погиб Суворов и да, как бы цинично это не звучало, использовать полученные данные для дальнейшей работы.

Да и проскальзывают порой мысли нечто подобное с крестьянством сделать. Это будет гораздо сложнее, но вполне выполнимо. Полного закабаления пока нет, его Катька, которой, я надеюсь, у меня не будет, окончательно введет. Так что нужно в первую очередь донести до самых упоротых, что крепостной крестьянин – это не собственность барина. Что он привязан к земле, а не к семье, которой эта земля принадлежит. Вроде бы отличия практически невидные, но на самом деле, они огромные. Привлечь газеты нужно, может быть, свою выпустить, это надо как следует обдумать и обкатать на своих землях. Ввести крестьян в Трудовой кодекс и назначить за их труд оплату. Пусть небольшую, но обязательную. Опять же донести до самых упоротых, что крестьянин не обязан отрабатывать барщину. Барщиной он как бы аренду выделенного ему надела отрабатывает, но ее вполне можно заменить фиксированной оплатой. Не хочет на барском поле спину рвать, есть возможность свою землю оплатить, в путь. Но должен быть заключен отдельный договор по этому поводу, а для этого крестьянин должен уметь как минимум его прочесть и подпись поставить. Откажутся все крестьяне барщину отрабатывать, будь добр – заинтересуй. Для тебя копейка – тьфу, ты на парики больше иной раз тратишь, а тому же крестьянину это целое богатство, и за него он гораздо охотнее будет работать. Но это пока что мысли, поток сознания, который может принести огромные дивиденды, если все правильно сделать, но в будущем. Пока же, все, что я могу, это фиксировать этот поток сознания в виде тезисов в специально заведенной книге, наподобие тех же бухгалтерских. Ну и начать подготовительную работу, например, реформу образования полноценную провести.

Вот с плохо развитой промышленностью можно сейчас уже начать работать, она в зачаточном состоянии, а ее, как ни крути надо развивать едва ли не с нуля. На контроль моей самой первой реформы, которая пойдет, если все звезды правильно сойдутся, именно с промышленности, будет поставлен один из отделов, практически завершившей собственную реформу и реконструкцию, Тайной канцелярии. Еще, конечно, многое предстоит сделать, потому что мы стоим на самой первой ступени этой лестницы, но на эту самую первую, самую сложную ступень мы уже вскарабкались – создано пока что на бумаге принципиально новое правозащитное образование, состоящее из множества отделов и подотделов, пока их было всего пять, но, скоро командиры этих подразделений сами поймут, что не смогут вывезти. И все эти подразделения в конечном счете будут находиться в подчинении у одного центра, во главе которого стоит пока Ушаков.

Чтобы пропихнуть эти изменения мне пришлось очень сильно подыграть тетушке. Она хоть и старательно изображала при мне умирающую, дела страны из своих цепких рук не выпускала. Просто она не знала, как сможет заставить меня постоянно находиться при своей особе. Убить – не вариант, я еще не женился и наследника на свет не произвел. Остается ломать комедию.

На днях Ушаков обещал представить мне предполагаемых командиров отделов. Елизавета же, скрипнув зубами, пошла мне на значительные уступки и разрешила не просто курировать Тайную канцелярию, но и принимать по ней все решения, кроме тех, которые никак не могли без одобрения императрицы обойтись. Но, чего в ней было не отнять, указы она, не глядя, никогда не подписывала. Иногда приходилось досконально все разжевывать, чтобы она поняла задумку. В такие моменты Елизавета даже тяжелобольную прекращала изображать, а была полностью сосредоточена на процессе. Но до того, как дело доходило до подписи, я проделывал просто чудовищную подготовительную работу. Все-таки дела здесь делались неспешно, я же привык совсем к другому ритму и ломать себя не собирался, даже в угоду Елизавете.

Другое дело, что наше с ней видение ситуации могло кардинально отличаться, но пока, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, особых проблем не возникало. Да и не так уж и часто я ей проекты на подпись притаскивал, чаще всего посылая того же Ушакова, который умел с ней разговаривать так, чтобы она пошла нам навстречу.

– Ваше высочество, – в комнату заглянул Румянцев.

– Чего тебе? – вроде бы ничего сегодня больше запланировано не было, поэтому появление Петьки Румянцева в спальне было для меня весьма удивительно. Но, с другой стороны, а кого я мог видеть, кроме него? Мой двор, который официально уже начал называться «Молодым» в который раз был переформирован. Собственно, от того двора мне оставили лишь Криббе, Румянцева, Вяземского да Ваньку Лопухина. Ну, и Штелин как наставник. Федотова я не считаю, потому что он пока числится за гвардейским полком, добрая половина которого осталась в Гольштинии за порядком следить. И все. Остальных же, кого куда забрали. Да Саша Суворов ушел, но в этом случае причина ухода была вполне уважительная.

– Ее величество Елизавета Петровна велела передать на словах, что подумала, и поняла, что правы вы, настаивая на том, чтобы свой Молодой двор полностью формировать самостоятельно. Единственное, вы должны будете, ваше высочество, лично ей на подпись передавать указы о назначении на должности. Но с сего дня ее величество более не будет влиять на назначения. Если только замечен кто из Молодого двора будет в крамоле, она оставляет за собой право распоряжаться его судьбой, – высокопарно проговорил Румянцев, я же на секунду прикрыл глаза. Это была моя первая полноценная победа. Даже дела с Тайной канцелярией долго обсасывались и пересматривались с советниками и доверенными приближенными, и лишь потом, весьма неохотно тетушка шла мне на уступки. Фраза: «Ну зачем, Петрушенька, всегда же так делали, зачем что-то менять?» – набила мне такую оскомину, что я готов был иной раз переходить в конфронтацию. Спасибо Штелину, незаменимый человек, который научил меня прежде всего принимать такие выпады с улыбками, вбив в мою бедовую голову, что просто так принято, что это что-то типа китайских церемоний, поэтому надо терпеть и улыбаться. Сейчас же только я сам буду решать, кто будет находится возле меня, а не пытаться подстроиться под постоянно меняющийся хоровод теткиных назначенцев.

– Тащи бумагу, буду первый указ писать, – открыв глаза, приказал я Румянцеву.

– Какой указ? – вместо того, чтобы выполнить распоряжение, Петька принялся выведывать подробности. Вот что должно произойти, чтобы он стал уже серьезнее?

– О твоём переводе в Сибирь! – не выдержав, рявкнул я, но быстро поправился, а то еще действительно решит, что я его в Сибирь отправляю. – Хочу Федотова из денщиков в адъютанты перевести. Слуг у меня, дай бог, хватает, а вот помощников толковых маловато будет. Слышишь, Петька, мало у меня настоящих помощников, – но этот паразит уже скрылся, побежал за бумагой значит, но это ничего, этого-то как раз подождать можно было, в отличие от возможности самому решению принимать. Ну, раз дело с мертвой точки сдвинулось, может, мне позволят самому себе невесту выбрать?

Глава 3

Я склонился над картой, разглядывая западный берег Африки. Чертовы голландцы опередили меня буквально ненамного и основали свой Капстад, который я знал, как Кейптаун. Хочу южную Африку, вот хочу. У каждого человека должна быть своя идефикс, и у меня вот эта. Там еще ни черта не нашли, да и не пытаются этого делать, такое вот проявление превосходства белого бваны над черными, населяющими этот непростой, но охренительно богатый континент. Капстад нужен голландцам в качестве базы для своих кораблей, мне, как отправная точка вглубь на северо-восток к несметным богатствам. И дело тут даже не в золоте и алмазах, хотя и в них тоже, но проще и безопаснее Сибирь разрабатывать, тем более, что я знаю совершенно точно, где и что находится, не зря же на нефтянке столько лет протрубил. Дело в других металлах, с которыми у России почти полный облом, а вот там его хоть жо... хм, хоть ложкой ешь. Ну и база для кораблей, конечно. И теперь передо мной стоит вопрос, как отжать Капстад у голландцев? Мне просто нечем их шантажировать. Просить, чтобы продали? Не продадут. И это дело принципа, а не какого-то сверхинтересного положения городишки, в который и денег-то особо не вкладывают. Так, стоянка, чтобы воды морякам в бочки налить, жратвой загрузить, да по бабам пустить, пока они друг на дружку полностью не переключились. Так даже нет верфей, и корабли, если и чинят, то силами команды. И принадлежит поселение даже не Голландии, а непосредственно Ост-Индийской компании.

– Чуть не забыл передать, – я оторвал взгляд от карты и посмотрел на сидящего напротив Румянцева.

– Который из них?

– Петр Иванович. Сказал, что почти разработал правовой проект, как лучше продовольственные склады на случай неурожая возвести и заставить людишек их заполнить. И теперь ему не терпится обсудить с вашим высочеством проект, прежде, чем показывать его ее величеству Елизавете Петровне.

– Это действительно очень важно, – я потер переносицу. – Как увидишь его, передай, что я сегодня буду.

– Хорошо, передам. «Гордость океана» вовремя не вернулась из поездки в Индию, – очень резко сменив тему разговора, сообщил Румянцев, откладывая в сторону листок голландской газеты, которую я заставил его изучать. Оказалось, что Петька знал голландский язык. И вообще он был очень эрудирован, еще бы дурака перестал включать по поводу и без, вообще бы цены ему не было. А еще, я узнал, что он помогает Саше Суворову разбираться в некоторых аспектах военной тактики, которая пока последнему не давалась, а вот Румянцев в ней разбирался. Просто ему было лень переключиться с увеселений и женщин на настоящие дела, вот и весь ответ на вопрос о его раздолбайстве, по причине которого этого недоросля выперли, по-моему, из каждого еще пока уважающего больше себя и свое честное имя, а не деньги, учебного заведения Европы. – Теперь у Ост-Индийской компании появился приличный долг перед акционерами, на деньги которых был оснащен корабль.

– Ну и что, – я отмахнулся от этой новости. – Это рядовое происшествие, и в стоимость товаров изначально заложена доля за подобные риски.

– Да не скажи, – Румянцев задумчиво посмотрел на листок, а затем расправил его рукой. – У хозяина корабля какие-то проблемы с владельцами Амстердамского банка и биржи оказались. Собственно, он и хотел бы вернуть людям потерянные деньги, человек он довольно богатый, но так получилось, что практически все средства вложены банком в оборот, а извлекать их или давать кредит они отказались. Предложили сами заплатить, а вот платежное обязательство собираются продать. Как будто оно кому-то нужно.

– Кто владелец затонувшего судна? – у меня аж руки вспотели, и я их вытер как можно незаметнее о штаны.

– Абрахам ван Рибек – младший. Прямой потомок основателя того самого Капстада, которую вы, ваше высочество, уже пять дней как разглядываете. В настоящее время находится как раз в той самой Капе, и никак не может повлиять на решение банка и биржи. Но это внутренние проблемы, как мне кажется. И, как здесь написано, это уже пятый по счету не вернувшийся корабль.

– Похоже, что Ост-Индийскую компанию решили немного прижать, – я задумчиво посмотрел на карту. – Слишком много начала на себя брать. Или республика решила попробовать провести рейдерский захват. Это ведь акционерное общество? – Румянцев неуверенно кивнул, для него все эти термины были пока незнакомы. – Значит, раз в газетах начали такую кампанию до дискредитации, то акции скоро поползут вниз. Вот что, где Криббе?

– У Бестужева, – Румянцев поморщился. То ли он от меня заразился антипатией к вице-канцлеру, то ли сам его недолюбливал, но факт оставался фактом, Бестужева Петька не слишком жаловал. – Сказать, чтобы к вам зашел, когда вернется?

– Да, – я кивнул, прикидывая, хватит ли у нас денег на эту авантюру. Если мне память, которую я в последнее время напрягал до предела, не изменяет, всего было выпущено примерно две тысячи акций, и львиная доля находилась как раз в руках ван Рибексов.

Я так задумался, что даже не заметил, как Румянцев вышел из кабинета. Если у меня все получится, то я испорчу отношения с англичанами. Ну и хрен с ними. Было бы что сохранять, так это отношения с ними.

Криббе как обычно вошел без стука.

– Ваше высочество, вы хотели меня видеть? – мой учитель фехтования и на сегодняшний день единственный человек, которому я доверял, выглядел осунувшимся. Доклады Бестужеву всегда весьма дорого ему обходятся. Этот упырь высасывает из Гюнтера все соки.

– Да, – я кивнул, вышел из-за стола, и прошелся по комнате. – У тебя есть хорошие знакомы в Голландии?

– Найдется парочка, – Криббе нахмурился и посмотрел на меня с подозрением.

– Хорошо, – я развернулся и пошел в обратную сторону. Возле усевшегося за стол Криббе я остановился. – Ты не хочешь съездить к своим друзьям, чтобы проведать их? Заодно узнать, как можно потихоньку с помощью подставных лиц малыми партиями купить акции Ост-Индийской компании. Очень небольшими партиями, чтобы не привлечь ненужное внимание.

– И сколько вы хотите приобрести этих акций, ваше высочество? – Криббе продолжал сверлить меня тяжелым взглядом.

– Несколько. Сот. Несколько сот акций, – я улыбнулся, стараясь, чтобы моя улыбка не выглядела жалкой.

– Господи, зачем они вам нужны? – Криббе откинулся на спинку стула, хватаясь за голову. – Это как-то связано с Капстадом? Вы в курсе, что у них там людей не хватает, и они пригласили присоединиться к поселению всех гугенотов?

– Я знаю, Гюнтер, что Капстад не государственное образование. Его на ничейной, с точки зрения среднего европейца конечно, потому что местные жители там безусловно есть, построила Голландская Ост-Индийская компания под собственные нужды. Собственно, это что-то типа торговой фактории, и для чего она предназначена, вполне понятно. И пока это место принадлежит компании, мы можем его как-то забрать себе. Но под много о себе возомнивших олигархов начала планомерно копать республика. Поверь, Голландской Ост-Индийской компании недолго осталось. А когда ее имущество национализируют, будет гораздо сложнее посягнуть на него. Войны из-за меньшего случались. И меня никто не поймет, если я предложу

повоевать за Капстад. Там по побережью полно бухт, где можно устроить форт и гавань для кораблей, если уж на то пошло.

– Тогда зачем вам нужна эта дыра? – Криббе запустил руку в свои длинные волосы и несильно дернул. За волосами он следил, следов вшей я у него не замечал, иначе лично побрил бы наголо, потому что от оспы мы все привились, а от тифа даже в моем времени прививки были редкостью.

Я давно подготовился к этому вопросу и был рад, что он прозвучал из уст Криббе. Можно было проверить ту сказку, которую я приготовил на нем. Если поверит Гюнтер, который знает меня как облупленного, значит, поверят все остальные. Я подошел к столу, открыл маленьким ключиком потайной ящик и вытащил мешочек, из которого достал сравнительно небольшой камень. Желтые алмазы были редкостью, пришлось повозиться, чтобы его найти и купить. Я просто положил его перед приоткрывшим рот Криббе. Необработанный камень был мало похож на сверкающих друзей всех поголовно девушек, и незнающий человек вполне мог его спутать с чем-то еще, с чем он у него больше ассоциировался. Тем более, что камни с различными оттенками встречались крайне редко.

– Ты не был первым, кого я встретил во время своего первого путешествия сюда в Петербург. Однажды в одной гостинице я столкнулся с голландским моряком. У него не было одной ноги, а так как его корабль затонул, то Ост-Индийская компания просто выбросила его на улицу, выделив какую-то мизерную пенсию, на которую тот едва сводил концы с концами. Скитаясь по Европе, он сумел, наконец, найти приют в этой гостинице, где помогал на кухне. Застав меня одного, это порой случалось, он предложил купить этот камень за пару десятков гульденов. Сам он принимал его за кварц и поэтому даже не совался к ювелирам. Вот он-то мне и рассказал, как нашел камень в реке неподалеку от Капстада. Как я уже сказал, он принял его за кварц и держал при себе, чтобы что-нибудь смастерить. Я пообещал отдать ему деньги утром, но, когда спустился вниз, то узнал, что его ночью зарезали в пьяной драке. Я взял названную сумму у Корфа, сказав тому, что хотел бы иметь при себе пару гульденов, чтобы не чувствовать себя совсем уж нищим. Гостиница была паршивая, благородные люди в ней останавливались редко, а тому же Корфу бедолага не посмел предложить камень. В мальчишке же он не увидел угрозы, и решил привлечь внимание, как ему казалось, безделушкой.

– Матерь Божья, ели кто-то об этом узнает, – Криббе помотал головой, с трудом отрывая взгляд от камня. Я купил его в Киле, точнее выменял на тот злополучный браслет, который едва не подарил Марии. В Варшаве взял денег у Гюнтера и пошел к ближайшему ювелиру, который в этот момент как раз получил несколько необработанных камней. Я, как только увидел желтоватый оттенок, сразу же стойку сделал. Про подарок, который обещал Марии, благополучно забыл, а потом пообещал, что засяду в Петербурге с ювелиром и он сделает под моим чутким руководством гарнитур, который я ей и вручу, поздравляя с Новым годом и прошедшим днем рождения. Тогда в парке она ушла с браслетом, но утром его притащил посыльный в гостиницу, откуда мы спешно собирались выехать, с запиской, что она возвращает то, что должно принадлежать другой женщине, и ждет нечто необычное.

– Вот поэтому я хочу, чтобы ты делал все в тайне. Мне больше некого послать в Голландию. Да и, кто знает, может тот моряк солгал, и прост ограбил какого-то бедолагу.

– Я понимаю, ваше высочество, – Криббе наморщил лоб. – Полагаю, что сэкономленных денег, также, как и прибыль, которую приносит ваш стеклянный завод должно хватить. В крайнем случае, я что-нибудь придумаю, нужно сначала узнать, есть ли акции вообще в продаже.

– Тогда собирайся, и, Гюнтер, это авантюра в чистом виде, я даже не знаю, сработает или нет, – я потер шею. Про рейдерские захваты здесь еще не слышали. Вот какой я молодец, не то что те попаданцы, про которых иногда читал, я на разную херню типа паровых машин не размениваюсь, только лучшее несу в этот мир – казино, захваты компаний. Давай, Петруха, жги напалмом. И что дальше, чем еще удивишь? – И нет, тебе не хватит того, что у нас имеется.

По моим прикидкам нужно где-то три миллиона. Вот только, полагаю, что эти деньги не сразу все понадобятся. Действовать нужно будет крайне осторожно. Полагаю, что несколько лет эта наша задумка точно займет. А там что-нибудь придумаем. В крайнем случае, пойду к тетушке на поклон, не для себя же пытаюсь все это проверить. – Я не стал говорить, что при поглощении вся компания переходит во владение нового собственника. А у Голландской Ост-Индийской компании далеко не одна фактория по миру разбросана. Ладно, проживем-увидим, как говориться. Нечего пока шкуру неубитого медведя пытаться распилить. По Криббе же видно, что он видом алмаза проникся, а вот за каким чертом мне понадобились сотни акций, он так и не понял, ну это ничего, поймет позже.

Криббе поднялся из-за стола и направился к двери, которая распахнулась прямо перед ним. Молоденький гвардеец уставился на него, и лишь спустя почти минуту додумался, что надо бы пропустить человека. Когда же Гюнтер вышел, он растерянно посмотрел на меня.

– Чего тебе? – я слегка наклонил голову набок, внимательно разглядывая бедолагу.

– Тут, ваше высочество, письмо из Швеции привезли, – наконец, гвардеец догадался, что нужно говорить, а не просто стоять и пялиться на меня.

– Кто привез? – мы стояли друг напротив друга, и я в это время пытался понять, кто из нас дурнее.

– Олсуфьев Адам Васильевич, – гвардеец пару раз моргнул и покраснел. Откуда его выкопали вообще?

– Ну, так пускай Олсуфьев Адам Васильевич заходит, коли письмо привез, да еще и из самой Швеции, – я решил подбодрить его, но, похоже, только еще больше испугал. Тем не менее, парень справился с волнением и подался назад, пытаясь закрыть за собой двери, чтобы уже через пару секунд снова их открыть.

В кабинет вошел молодой человек в дорожном плаще и зимней треуголке. Поклонившись, он молча протянул мне письмо, и остался стоять, ожидая, что я скажу. Я же вскрыл послание и тут же вернул его Олсуфьеву.

– Ваше высочество? – он недоуменно приподнял бровь. Парень был молод, лет двадцати, и было в нем что-то, весьма располагающее к себе. Скорее всего, дело было в открытом лице, на котором блуждала очень славная улыбка. Правда, эта улыбка сама сползла, как только я протянул ему письмо. – Вы не будете читать?

– Нет, – я покачал головой. – А не буду я читать по одной весьма простой причине, я не знаю шведского языка.

– Но, как же так, ведь письмо... – курьер явно растерялся, глядя то не меня, то на зажатое в руке письмо.

– Вот что, вы же знаете язык, на котором это письмо написано? – Олсуфьев, помедлив, кивнул. – Очень хорошо. Располагайтесь, – я указал ему на стул для посетителей у стола. Если хотите, то снимите плащ и треуголку, – мне до сих пор была не слишком понятно, почему для посланников и курьеров было вполне нормально вот так вот взять и ввалиться хоть даже к королю, про наследников вообще можно промолчать. А самый шик, чтобы с плаща вода капала прямо на ковер.

– Ваше высочество, я не понимаю... – он стянул треуголку, и я отметил, что парика он не носит. Хотя, может быть в дороге было неудобно, я впервые видел этого молодого офицера, и поэтому понятия не имел, что ему удобно, а что нет.

– Адам Васильевич, – я только что глаза не закатил, глядя на его переминание с ноги на ногу. – Вы шведский знаете?

– Да, конечно, я же приписан к Российскому посольству в Стокгольме, – он кивнул, явно обрадовавшись, что наконец-то может ответить хотя бы на один мой вопрос.

– Ну и отлично. В теперь садитесь и читайте, или вы предпочитаете делать это стоя?

– Я? Читать письмо, адресованное вам? – нет, ну что за тормоз, на меня накатило раздражение.

– Адам Васильевич, из нас двоих только вы знаете шведский язык. А мне, чтобы узнать содержимое письма, хотя я догадываюсь, о чем оно, все равно нужно кого-то просить мне его прочитать. Зачем же мне тратить время и кого-то искать, если прямо передо мной стоите вы, знающий шведский?

– Но, вы не бойтесь, ваше высочество, что содержимое может быть мною рассказано в каждом салоне, куда меня, дай Бог, пригласят в те дни, что я пробуду в Петербурге?

– Да кому надо, тот и так уже знает, что мне написал какой-то швед от лица своего короля, – я пожал плечами. – Уж во всяком случае, ее величеству точно доложили.

– И вы так спокойно к этому относитесь? – Адам покачал головой и принялся разворачивать письмо.

– А как мне еще к этому относиться, если я считаю такое положение дел вполне естественным и даже важным. Более того, Андрей Иванович Ушаков по моей просьбе усилил эту службу, выделил специальное небольшое подразделение, которое уже начало заниматься исключительно чужой перепиской, включая расшифровку. Ну и знания языков у его сотрудников должно быть не уровне, естественно. Так же, как и способность не просто расшифровывать чужие шифры, но и разрабатывать свои. А вы удивляетесь, почему я к таким действиям отношусь нормально, – я не удержался и хмыкнул. – Так вы будете читать, или мне поискать другого полиглота?

Олсуфьев вздохнул, согнул руку, пристроил на сгибе свою треуголку и развернул, наконец-то письмо. На предложенный стул он так и не сел. Я тоже стоял, правда опираясь на стол, внимательно слушая, как он читает. Получалось у Адама очень хорошо. Он прочитывал про себя, затем про себя переводил и выдавал мне уже переведенную версию. Он изначально взял определенный темп, и читал хоть и медленно, но создавалось впечатление, что он не занимается сложным переводом, а просто читает вслух написанное.

Если кратко, то после витиеватых приветствий на полстраницы, в письме было сказано, что Швеция принимает Георга в качестве наследника, и что уважает мой собственный выбор. Надеется дружить семьями... тьфу... надеется на добрососедские отношения и так далее и тому подобное. Ничего, о чем бы я не догадывался в письме не было, всего лишь положенная по протоколу отписка. Единственное, что немного выбивалось из колеи, это просьба сразу же сообщить в Стокгольм о рождении моего сына и наследника. Я с трудом удержался, чтобы не покрутить пальцем у виска. Они вообще соображают, что пятнадцатилетнему парню это написали? Почти пятнадцатилетнему. Потому что пятнадцать мне исполнится очень скоро, но пока не исполнилось. Ладно, скорее всего, писал секретарь по шаблону, и о таких нюансах даже не задумывался.

Олсуфьев закончил и вопросительно посмотрел на меня. Я даже сначала не понял, что он хочет этим своим взглядом мне сказать.

– Все? Постскриптумы все прочли? – я решил уточнить, что же он хочет от меня.

– Да, ваше высочество, – кивнув, теперь уже я вопросительно посмотрел на него.

– Прекрасно, можете быть свободны.

– Но, вы не будете писать ответ? – он снова удивленно уставился на меня, я же вздохнул.

– Конечно, нет. Вот когда наследником обзаведусь, то сразу же восторженным эпосом разрожусь, листа на три не меньше. А пока мне нечего сказать его величеству.

На этот раз Олсуфьев не стал ничего переспрашивать. Он аккуратно положил письмо на стол, поклонился и направился к выходу. Дверь за ним закрылась, и я потер шею и негромко рассмеялся. Бывают же такие кадры. Мне сегодня везет. То недотепа охранник у дверей, но очень старательный, то вот этот посланник из Стокгольма. Рутинное, на самом деле ничего не значащее происшествие.

Тут за дверями раздался какой-то плохо дифференцированный шум. Я невольно прислушался.

– А я настаиваю, чтобы его высочество принял меня незамедлительно! – О, кажется, я знаю, кто это визжит, как боров недокастрированный. Лесток приперся отношения выяснять. Ну пусть попробует войти, я ему махом парик плоским сделаю, вот, например, эта штукавина прекрасно подойдет. Я поднял со стола небольшой, но вполне тяжелый пресс, и приготовился встречать бывшего лейб-медика императрицы.

– Я никак не могу пропустить вас к его высочеству, – от удивления у меня брови поползли вверх, потому что отвечал Лестоку сейчас тот самый Олсуфьев. Отвечал предельно вежливо и не менее твердо. – Если бы его высочество назначил вам встречу, то наверняка предупредил бы этого бравого гвардейца.

– Но я жажду увидеться с его высочеством! – Лесток продолжал визжать, а его акцент усилился. Я так и не понял акцент у него больше немецкий или все-таки французский.

– Милостивый государь, я вот, например, жажду увидеть дочь китайского императора. Но, вы же понимаете, что, это наши желания, и они тихо умрут в нас, так никогда и не исполнившись. Поэтому, прошу вас уйти, иначе я вынужден буду с помощью гвардии, ежели один не справлюсь, выкинуть вас отсюда, а это не придаст чести ни мне, ни вам.

По мере того, как он говорил, его голос становился тише, словно в этот момент он удалялся от двери, ведущей в мой кабинет. Когда ни Олсуфьева, ни Лестока не стало слышно, я поставил пресс на стол и сам выглянул из кабинета. У дверей стоял только тот самый гвардеец, который не сумел пару слов связать. На стоящем неподалеку столике я заметил оставленную треуголку. Видимо, бешенный француз немецкого происхождения прервал процесс сборов восвояси, которые и проводил посланник из Швеции.

– Вы все слышали, ваше высочество? – Олсуфьев появился быстрее, чем я думал.

– Да, слышал. Почему вам пришлось в голову выставить вон господина Лестока?

– Господин Лесток находился в чрезвычайно возбужденном состоянии и мог наделать или наговорить много такого, за что потом долго бы раскаивался. А что на него могло повлиять?

– Я слишком обеспокоен состоянием здоровья ее величества, и однажды мне показалось, что все старания господина Лестока не приносят ощутимого улучшения самочувствия Елизаветы Петровны. Поэтому я настоятельно рекомендовал ей воспользоваться услугами моего личного врача. Методы господина Флемма очень сильно отличаются от методов господина Лестока и в целом пришлись ее величеству по душе. А теперь господин Лесток склонен обвинять меня за то, что впал в немилость и что это из-за меня ему порекомендовали вернуться на родину, весьма щедро одарив при этом, к слову.

– С одной стороны его можно понять, но с другой, это недопустимо, так себя вести, – покачал головой Олсуфьев. Я же внимательно смотрел на него, затем медленно проговорил.

– Вы же не заняты вечером, Адам Васильевич? Видите ли, мой друг и наставник Гюнтер фон Криббе срочно уезжает по делам, а на сегодняшний вечер у меня запланирован весьма важный ужин. Не хотите составить мне компанию? – надо у тетушки поинтересоваться, Олсуфьев ей очень сильно нужен, или посольство в Швеции переживет, если я его к себе перетащу, потому что мне нужен секретарь, просто позарез нужен.

Глава 4

На вчерашнем ужине Петр Шувалов вывалил на меня столько различной информации, в которой перемешивались его задумки, уже предпринятые шаги и практически готовые проекты, которые он составил, что у меня голова пошла кругом в попытке уложить все это в одну кучу. А уж если добавить к этому тот факт, что Шувалов все, что мне выдал с пулеметной скоростью, еще и было изложено на бумаге... Оставалось только гадать, сколько времени он спит, и спит ли вообще. Очень гиперактивный человек, ну просто очень, настолько, что я с самого раннего утра заперся в своем кабинете, отменив занятия со Штелиным, и принялся разбираться с тем ворохом бумаг, которые свалил на меня Шувалов уже в конце ужина. Благо Олсуфьев согласился мне помочь, когда мы вместе с ним перетаскивали бумаги на мою половину дворца, когда я объяснил, что из этого вороха нужно выбрать самое значимое, что может лечь в проект нового указа.

Как обычно за ужином, прошедшем в теплой дружеской обстановке, говорил в основном хозяин, оставляя нам роль статистов. Но, надо отдать ему должное, сам ужин был отменного качества. Пока Шувалов распинался о проделанной им работе, мы с Олсуфьевым и захваченным с собой по дороге Румянцевым неплохо так подкрепились. И, надо сказать, Шувалов сделал действительно немало. Ему удалось создать практически с нуля план развертывания военных складов продовольствия. Не остановившись на этом, он сам решил расширить эту задумку. Теперь по его планам можно было разворачивать эти военные складские городки, расположенные в самом центре гарнизона, под надежной охраной, и включающие в себя не только продовольственные склады, но и склады с одеждой, арсенал и склады с другой полковой рухлядью.

И самое главное, что заслуживало отдельного внимания, для того, чтобы все это нормально функционировало, необходимо было закрепить за гарнизонами постоянное место дислокации. А то до сих пор те же Семеновцы болтаются как неприкаянные, то одно место для своих казарм найдут, то другое. А самое гениальное состояло в том, что все договора на приобретение или аренду подписывались полковыми юристами, и деньги выделялись на то дело из полковой казны. Лично для меня совсем не удивительно, почему гвардейцы так много себе позволяют и так много на себя берут, это же сила, которая подконтрольна тому, кого сама себе выбирает. Вот с этим я абсолютно точно решил покончить, и проект Шувалова был лучшим для меня поводом для полного упразднения временного расквартирования гарнизонов. В конце концов, это не цирк Шапито, это армия. А то бывает, как цыгане табором из одного города в другой болтаются. Да квартируют в этих городах, что мне совсем не нравилось. Не все, конечно, далеко не все, но примерно половина – это к бабке не ходи.

Военные городки – наше все. А также дороги, которые будут их соединять между собой для переброски войск, фуража и боеприпасов с одного места к другому, но уже не стесняя местных жителей, которые могут быть не слишком рады подобным соседям. А вот стоящая неподалеку, может быть даже в пределах города, но полностью изолированная воинская часть – это нормально. И дисциплину легче держать и разных провокаторов вычислять, да и охрану опять-таки улучшить. Должность комендантов, учрежденную Петром I пока оставить, а вот выполнение полицейских функций вовсе убрать. Пора отделять мух от котлет. Каждый должен выполнять свою функцию. Может быть, я ошибаюсь, время меня рассудит. Но хуже я точно не сделаю.

– И все же я не совсем понимаю, – Олсуфьев потер уставшие глаза. И отложил изученную им бумагу в одну из стопок, в которые он раскладывал их по одной лишь ему известной системе. – Почему вы решили озаботиться именно вот всем этим? Чтобы проводить какие-то

реформы в армии, нужно, по всеобщему мнению, улучшить процесс рекрутирования. Составить законодательные условия, чтобы те крестьяне, кому не повезло стать солдатом, шли на службу с большим желанием, чтобы они знали, что у них есть будущее, – с жаром закончил он. М-да, вот только юного романтика мне не хватало. Ну ничего, пообтешется, более прагматичным станет.

– Правда? А что еще так много и здорово говорят те самые «все»? – Олсуфьев сердито глянул на меня и ответил уже с меньшим пылом.

– Оружие. Нужно много оружие и нужно его усовершенствовать. Вон, Петр Иванович вчера на ужине говорил, что сто рублей премии положит тому, кто гаубицу сделает лучше. Разве ваше высочество не может чего-нибудь такого же сделать?

– Что я могу сделать? гаубицу усовершенствовать, чтобы с Петра Шувалова сотню стрясти? – я насмешливо посмотрел на него. – По-моему, Адам Васильевич, вы переоцениваете мои таланты.

– Вы прекрасно поняли, что я хотел сказать, ваше высочество, – Олсуфьев раздраженно схватил очередную бумагу, исписанную мелким почерком.

– Да понял я вас, понял, не злитесь, – все еще посмеиваясь, я последовал его примеру, то есть поднял новую бумагу. – А на ваш вопрос, я отвечу так. Да, все это безусловно нужно, даже необходимо. И реформа солдатская, и оружие, и... да много чего нужно, на самом деле. Только вот, ответьте теперь вы мне, дорогой мой, Адам Васильевич. Вот, ежели все это случится. И реформу придумаем и проведем, да пройдет она без сучка, без задоринки. Сомнительно, конечно, но вдруг, – я поднял вверх указательный палец. – И оружие Петру Ивановичу наташат столько, что он разорится каждому по ста рублей отваливать. Очень маловероятно, но чем черт не шутит. Вот все это случилось, и? Куда вы полагаете бывших крестьян селить? Где плацы устраивать новые, потому что ветеранам с новичками возиться будет не с руки. Где обучение проводить, да хотя бы, как тем оружием, которое Петра Ивановича разорило, пользоваться? А само оружие где предлагаете хранить, чтобы оно и под надежной охраной находилось и, чтобы его быстро достать и применить войскам можно было? А где лучше кухни устроить и склады те же продовольственные? По всему городу разбросать, где часть будет квартировать? Или народ пойти обдирать, ежели касса полковая пуста, или же в лучшем случае за ту же обдираловку деньгами отдавать? Нет, Адам Васильевич, прежде, чем все реформы вообще затевать, нужно подготовить места, куда плоды тех реформ пойдут. Казармы нужно возвести, чтобы тепло там было, чтобы солдат после тяжелой службы знал, что, когда вернется, то отогреется, помоеся и голодным не останется. Вот с этого-то я и хочу начать. С этого, да еще с новой формы для наших храбрых воинов. Я лично плохо представляю, как в форменном камзоле те же солдаты вообще двигаться могут, да еще и стрелять при этом и строй держать. И в саму структуру армейскую не мне пока лезть. Да и как-то нехорошо на душе, как будто витает в воздухе какой-то намек на грозу. Боюсь, война скоро случится. Так что лучше складами и гарнизонами займемся. А гаубицы новые появятся, не беспокойтесь, земля русская полна самородков, которые из Петра Ивановича обещанное вытрясут. – Теперь уже я говорил горячо, яростно жестикулируя при этом. Олсуфьев ничего не ответил, лишь пробурчал что-то неразборчивое. Я так и не понял, он меня осуждает или наоборот поддерживает.

В кабинете воцарилось молчание, прерываемое лишь шуршанием бумаг, за которые мы снова взялись, пытаясь отдельные тезисы свести к заготовке единого указа, который можно будет показать Елизавете.

– Аксель фон Мардефельд, ваше высочество, – Олсуфьев поднял голову от бумаг, которые мы в этот момент штудировали и посмотрел на меня слегка недоуменно. Дверь открылась без предварительного стука, и это обстоятельство было для нас полнейшей неожиданностью.

– Вы все-таки решили с ним встретиться, ваше высочество? – тот самый молоденький гвардеец, который, похоже, становился бессменным охранником моего кабинета, мялся у

порога, поглядывая то на меня, то на Олсуфьева, который еще не был назначен моим секретарем, но это было дело поправимое. Во всяком случае, я уже спросил у тетушки, сильно ли он нужен послу в Швеции.

– Он был исключительно настойчив, – я развел руками. – С таким пылом даже Петька Румянцев очередную хорошенькую барышню не преследует, с коим Мардефельд преследовал меня в последние дни.

– Ваше высочество, так что мне Акселю фон Мардефельду сказать? – гвардейца звали Петр Измайлов. Когда видишь одного и того же человека так часто, как я видел его, что порой кажется, будто он всегда находился рядом, но я по какой-то странной причине его не замечал. В этом случае просто грех именем не поинтересоваться.

– Ему, когда назначено? – я свел брови, выказывая недовольство. – В полдень, ни раньше, ни позже. А сейчас сколько? Половина одиннадцать тридцать. Так что пускай посланник подождет, ничего с ним не случится. У меня в коридорах очень удобные кресла стоят, вот посланник пусть и заценит, как в них хорошо и комфортно сидится. Глядишь, и встать не захочет, так и не надо его в том случае тревожить, пускай отдохнет человек от беготни своей. Ну, а ежели не понравится ему в кресле-то сидеть, то тогда и войдет, но не раньше, чем ровно в полдень, – и я снова уткнулся в очередную бумагу. Так, а вот это откровенный бред, я отложил ее в стопку ей подобный. Все-таки Шувалова частенько заносило на поворотах, и все его проекты необходимо было тщательно проверять.

Измайлов коротко поклонился и вышел из кабинета. За то время, что он провел в качестве охранника на моей половине дворца, я его немного уже изучил, чтобы с уверенностью сказать, прусский посол раньше полудня сюда не зайдет, даже, если в конвульсиях начет прямо у дверей биться, или же угрожать молодому гвардейцу вздумает. Правда, в последнем случае, он, скорее всего, никогда сюда не войдет.

– Так почему вы все-таки решили его принять, ваше высочество? – Олсуфьев отложил в сторону лист, который внимательно изучал до этого. – Насколько я понял, посланника его величества короля Пруссии вы не слишком жалуete.

– Это еще мягко сказано, – я встал, решительно сгреб со стола все забракованные мною бумаги и подошел к обогревающей комнате печке. Такие вещи лучше уничтожать полностью, чтобы у какого-нибудь шустрого типа вроде того же Мардефельда хватит ума понять, о чем идет речь, по небольшому клочку бумаги, на которой сохранилось немного текста. – Просто я в последнюю неделю сталкиваюсь с ним настолько часто, что боюсь скоро увидеть его, выглядывающим из отхожего места, куда захочу справить нужду. Поэтому я решил выделить ему некоторое время, просто, чтобы отвязаться.

– Как вам кажется, ваше высочество, о чем он так настойчиво желает с вами поговорить? – Олсуфьев в то время, пока я тщательно сжигал все, что не пойдет в работу, но что могло недоброжелателей навести на разные неприятные мысли, убирал со стола все остальное, весьма сноровисто убирая бумаги с глаз долой, оставляя стол девственно чистым. Прямо-таки профессионально он это делал, словно всю жизнь занимался подобными делами. При этом он часть бумаги их одной из своих стопок протянул мне. Полагаю, что в эту стопку он складывал те идеи, которые показались и ему чересчур бредовыми. Мельком просмотрев парочку, я понял, что не ошибся. Тезис, в котором Шувалов рассуждал о том, сколько надо маркитанток на каждый полк, я точно не представлю в проекте указа, предназначенного для Елизаветы.

– Понятия не имею, – я пожал плечами, встал и тщательно закрыл дверцу печки, возвращаясь к столу. – Кстати, я почти упрямил ее величество назначить вас к моему двору, в качестве моего секретаря.

– Меня? – Олсуфьев удивленно моргнул пару раз. – Но разве на эту должность не назначаются люди, гораздо опытнее меня? – у него порозовели скулы, а кулаки непроизвольно сжались. Вообще-то должность личного секретаря Великого князя была гораздо престижнее и интерес-

нее, чем должность третьего помощника посла в занюханном посольстве в Швеции, или кем там он служил, так что незачем так яростно сопротивляться. Если только у него зазноба в Стокгольме на осталась.

– Вы против этого назначения? – я приподнял бровь.

– Нет, то есть, да, то есть... Господи! – он протер лицо. – Это очень большая ответственность и я очень боюсь, что не справлюсь, наломаю дров, и что-нибудь испорчу.

– А вы не бойтесь. В крайнем случае, будет портить вместе. Потому что для меня тоже все это в новинку. А сейчас давайте уже выясним, что пруссаку надобно.

– А почему бы вам, ваше высочество, не попробовать привлечь кого-нибудь другого на это столь высокое место?

– Кого, например? – я хмыкнул, разглядывая покрасневшего Адама.

– Петра Румянцева, чем он не подходит на эту должность?

– Боже упаси, – я даже глаза закатил. – Он прекрасный, преданный друг, и я почти уверен, что он меня не предаст, сейчас, по крайней мере, но поручать ему такие серьезные дела, как те, что положены для поручения личному помощнику? Я пока не сошел с ума.

Дверь приоткрылась, и я бросил взгляд на часы. Ровно полдень. Измайлов весьма скрупулезно выполнял порученные ему задания подобного плана. А вот посланнику, похоже, кресла для посетителей не показались слишком удобными, раз он не остался в одном из них, забыв про назначенную аудиенцию.

Я кивнул Олсуфьеву на кресло напротив моего, а сам устремил взгляд на дверь. Выходить из-за стола и идти встречать посланника я не собирался, много чести. Хватит и того, что мы еще не успели сесть и встречаем его стоя, а не развалившись в креслах. Хотя у меня мелькала подленькая мыслишка еще и кальян где-нибудь раздобыть и встречать прусского посланника держа мундштук в руках, да еще и полулежа в разбросанных по полу подушках. Но в самый последний момент я отказался от эпатажа, и теперь, глядя в чуть выпученные хитрые глаза посла, впервые пожалел о том, что не послушал внутренний голос и не поверг в шок Мардефельда. Я бы потом с удовольствием почитал, что он обо мне написал бы своему королю.

– Господин посол, прошу, присаживайтесь, – я широким жестом указал ему на кресло, стоящее рядом с тем, которое я отдал Олсуфьеву.

– Ваше императорское высочество, для меня большая честь наконец-то встретиться с вами в более приватной обстановке нежели на ассамблеях и императорских балах.

– Надо сказать, вы были чрезвычайно настойчивы в этом вашем желании получить аудиенцию, – я скептически хмыкнул. – Так что же вас все-таки сподвигло, на столь решительные действия?

– Всего лишь некоторое беспокойство, вызванное тем, что, хотя весь двор только и говорит о предстоящих увеселениях для юных знатных особ, ваше высочество не выказывает ни малейшего интереса к предстоящим действиям. И тем самым расстраивает ее величество, – начал издаലെка и весьма витиевато прусский посол.

– Уверяю вас, я всерьез обеспокоен судьбой тетушки. Настолько, что даже обратил ее внимание на то, что кровопускания, кои она считает панацеей от всех болезней, совсем ей не помогают, хоть и делались они куда чаще, чем это вообще разумно, – я внимательно посмотрел на него, пытаюсь оценить, как он отнесся к опале Лестока. Но Мардефельд был прожженный лис, и по его физиономии ничего нельзя было понять. А ведь кроме изоляции Лестока мои действия принесли очень существенную пользу, которая, надеюсь, даст пинок к развитию медицинской науки в Российской империи. А ведь все дело было в том, что я поставил Елизавету перед выбором: или признать, что кровопускания – это полная лажа, и ни о чего они не помогают, или же, прекратить ломать передо мной комедию, и, после очередного визита Лестока сказать, что совсем-совсем выздоровела. Пойти по второму пути она пока не могла, ей надо было закрепить достигнутый эффект, значит, пришлось жертвовать Лестоком. А на

Флемма и наорать в случае чего можно, что, мол, этот костоправ ни черта не понимает и дает ужасные настои, от которых легче совсем не становится.

Хотя, тот же Флемм сообщил мне после первого же осмотра Елизаветы, что считает ее вполне здоровой и цветущей женщиной и что падучая – это единственный ее недуг, но тут, как говорится, ничего не попишешь. И дает он ей всего-навсего укрепляющий настой из зверобоя, белоголовника и чуточку мяты, в который для сладости добавляет немного меда. Я бы и сам не отказался от такого лекарства, на что я ему вполне непрозрачно намекнул. Как бы то ни было, а Мардефельд намек понял и в его взгляде даже промелькнула искра уважения. Правда, она быстро погасла, и он снова принялся улыбаться слащавой улыбкой, с некоторой брезгливостью и недоумением разглядывая мой пушистый свитер из ангорской шерсти, отбеленной до молочного цвета.

– Янисколько не сомневаюсь, что ваше высочество искренне озабочены судьбой ее величества, – он наклонил голову, а затем снова поднял ее. – Но, тем не менее, ваш отказ даже взглянуть на присланные портреты очаровательных юных созданий больно бьет прямо в девичьи сердечки.

– Интересно, и кто же им рассказывает про то, что мне слишком некогда заниматься любованием картин, когда очень скоро я увижу всех вживую? – мы мило улыбнулись друг другу. – Мне нужно свою резиденцию восстанавливать, плюс мои занятия с учителем, да за делами на стекольном заводе следует приглядывать. Поверьте, у меня действительно совсем нет времени. – И я постучал пальцами по столу, намекая, что и для него я буквально выкроил пару минут.

– Да-да, я знаю, вы всегда в делах, – козел, он имеет наглость показывать всем своим видом, что весьма невысокого мнения о моих каких-то там делах, которые остро отдают плебейством. Еще бы, Великий князь открыто говорит о том, что сам контролирует все этапы ремонта, да еще и завод открыл. Кошмар и ужас. Вот только делать нечего, придется с таким вот... общаться. И даже улыбаться вот так тонко и снисходительно.

– Так зачем вы искали со мной встречи, господин посол?

– Не так давно я получил письмо от его величества короля Фридриха. В этом письме он просит меня оказать содействие в судьбе двух дам, которые направляются сюда в Россию, по приглашению ее величества. Они совсем одни бедняжки, с минимальной охраной. Разумеется, я поспешил заверить его величество, что сделаю все, что в моих силах, чтоб помочь бедняжкам. Например, прямо сегодня, после окончания аудиенции у вашего высочества, я еду встречать их в Риге, – я чуть было не ляпнул: «Скатертью дорожка», но вовремя сдержался. Чуть наклонив голову, сцепил руки в замок и теперь наблюдал за послом с полуулыбкой на лице. – Но, я хотел бы получить хоть какие-то заверения от вашего высочества в том, что вы окажете участие в их судьбе. Тем более, что они являются вашими дальними родственницами.

– И речь идет...

– О Иоганне-Елизавете Ангальт-Цербстской, в девичестве принцессы Гольштейн-Готторпской, которая скоро уже прибудет в Петербург со своей старшей дочерью Софией Фредерикой, – у меня в груди екнуло. Надо же, София Фредерика скоро будет здесь. Что-то как-то мне резко заплохело. Я гнал от себя эту мысль, но она не хотела меня отпускать, а что если все остальные только для отвода глаз и Елизавета уже все за меня сама решила, выбрав будущую Екатерину? Перспектива шарфа на шею все еще вырисовывалась и была отнюдь не радужной. Понятно также, почему он топит за Катю, ее маман пользуется благосклонностью Фридриха, и она, получается единственная из девиц, почти прусского двора. За кого еще должен впрягаться прусский посол, как не за нее. Пока я пытался перевести дыхание, Мардефельд продолжал заливаться соловьем. – Ее высочество послала вам несколько писем, но так и не получила ответа, что чрезмерно ее расстроило.

– Я не получал никаких писем от ее высочества, – я их действительно не получал. Уж такое, я бы точно запомнил. – Вероятно в тот момент, когда они дошли до Петербурга, я находился в Киле. Такой вот неожиданный выверт судьбы.

– О, я нисколько не сомневаюсь, ваше высочество, что вы не оставили бы писем от вашей родственницы без ответа, получи вы их. Поэтому-то я и хотел с вами встретиться, чтобы лично передать письмо ее высочества. Полагаю, что принцесса желает посредством этого письма напомнить вам, что вы однажды встречались в замке вашего дяди, и что семейные узы, даже настолько дальние, заслуживают некоторого снисхождения.

Он приподнял задницу из кресла, положил передо мной надушенное каким-то слишком уж насыщенными сладкими духами письмо, после чего раскланялся и удалился, пока я сидел, глядя на сургучную печать, как на змею. Рассмотреть, что было изображено на печати я не сумел, более того, даже не пытался. И что же мне сейчас делать? Как обезопасить себя? За окном раздался глухой звон колоколов. Так, кажется у меня появилась идея. Не столь уж и новая, но заслуживающая рассмотрения.

– Адам Васильевич, прошу вас найти Ушакова Андрея Ивановича и передать на словах, что я хочу, чтобы он установил слежку за прусским послом, а также за герцогиней Иоганной-Елизаветой Ангальт-Цербстской и ее дочерью Софией Фредерикой, – я решительно поднялся из-за стола и схватил злополучное письмо.

– Вы куда-то направляетесь, ваше высочество? – Олсуфьев с тревогой посмотрел на меня. Он чувствовал какое-то напряжение, но никак не мог понять, с чем оно связано.

– Я хочу повидать отца Симона не навещал, да и он забыл совсем раба Божьего Петра, – процедил я уже на полпути к двери. – Думаю, что настало время исповедаться, да совета у спросить.

Глава 5

– Что это? – я с удивлением посмотрел на пачку бумаг, которую положил передо мной на стол Олсуфьев прямо поверх проекта указа о гарнизонной службе, который рождался в муках в самом прямом смысле этого слова. Адама еще не утвердили в качестве моего секретаря, но Елизавета уверила, что приказ подписан и остались соблюсти какие-то формальности. Поэтому Адам решил приступить к выполнению своих обязанностей, которых по сути не знали ни он, ни я. Заодно и круг этих обязанностей определим, потому что в задачи секретаря сейчас входило письма писать за патронов и на этом в общем-то и все. Но мне пишущая машина «Адам» была не нужна, мне нужен был помощник, который как минимум будет держать в памяти куда и зачем я должен пойти, и кому назначил очередную встречу, потому что, чем больше я погружался в дела, прекрасно отдавая себе отчет, что это пока что так, не дела, делишки, тем больше начинал скучать по электронному секретарю в телефоне и других видах склерозников. Сейчас же Олсуфьев притащил мне какую-то гору бумаг, в то время, как мы еще бумаги Шувалова в божеский вид не привели и составили проект указа, дай бог, если на половину.

– Не знаю, я не смотрел, – честно признался Олсуфьев. – Эти бумаги притащил Флемм, ваш лейб-медик. Я его не пустил к вам, ваше высочество. Вы же приказали вас не беспокоить по пустякам. А какие могут быть важные дела у лейб-медика, если вы с утра на здоровье не жаловались и за ним не посылали? Забрал я у него все, что он хотел принести и собственноручно на стол перед вами свалить, и сказал, чтобы он приходил послезавтра в полдень, вы как раз успеете с его писаниной ознакомиться и говорить уже будете исключительно по делу.

– Ну, молодец, конечно, – я почесал бровь. – Только в следующий раз будь так добр сам просмотри подобного рода записи, чтобы доложить мне хотя бы самую суть того, что здесь представлено. Тогда у меня будет двойная экономия времени, и я сразу решу, стоит тратить время на изучение, или сразу в печку отправить.

– Хорошо, ваше высочество, – немного подумав, кивнул Олсуфьев. – Думаю, что вы правы. Мне надо было самому сначала ознакомиться с документами, прежде, чем нести их вам, – я с тоской посмотрел на ворох бумаг. Похоже, моя послеобеденная тренировка в фехтовании, которую я хотел провести с Румянцевым, накрывается медным тазом, потому что завтра просмотреть все это времени у меня может и не оказаться. Флемма же обижать не хотелось, тем более, что он не так уж и часто что-то у меня просил. Так что придется ознакомиться, и весьма подробно, чтобы уже послезавтра время зазря не терять. А Олсуфьев тем временем продолжал стоять у стола в явной нерешительности. – У тебя есть что-то еще для меня?

– Алексей Григорьевич заходил, велел передать послание ее величества о том, что сегодня в три часа пополудни приедет ее высочество Бернардина Кристиана София Саксен-Веймар-Эйзенахская, и вам надлежит быть во главе встречающей процессии, а потом присутствовать на торжественном представлении ее высочества ко двору и на ужине в кругу ее величества, – выпалил Адам на одном дыхании.

– Я помню. Как об этом можно забыть, если тетушка сегодня даже ко мне в спальню пришла, и в сотый раз мне напомнила, хотя я еще даже глаза не до конца продрал, – вздохматив свои короткие волосы, бросил взгляд в сторону окна. Погода была как назло просто волшебная, мороз и солнце, день чудесный, чтоб его. Вот была бы пурга, что света белого не видно, послали бы почетный караул, а встречали первую гостью уже во дворце. Поймав одну из прядок светлых волос, я прикинул ее длину, вроде бы еще не пора стричься. Волосы я держал короткими и не давал им отрастать, хотя каждый раз выдерживал настоящую битву с цирюльником, который категорически не хотел меня стричь, и только при угрозе, что я сейчас возьму бритву и сам побреюсь наголо, брался за ножницы. Поскольку парики я не носил, просто принципиально,

перспектива оказаться виноватым перед Елизаветой за голый череп племянника маячила перед господином Месси нешуточная, поэтому он, после получасовых стенаний делал мне нужную прическу, которая, если сначала и вызывала у тетушки резкое отрицание, то сейчас она уже к ней, похоже, привыкла. – Ты узнал, что это вообще за принцесса?

– Дочь герцога Эрнста Августа I Саксен-Веймарского, – Олсуфьев пренебрежительно хмыкнул. – Сам герцог ничем не примечательная личность. Промотал все состояние, и теперь занимается тем, что обдирает богатых граждан своего герцогства. Из-за этого они постоянно подают на него в суд Священной Римской империи и, как ни странно, суд полностью удовлетворяет их притязания. Из-за этого, долги герцога только вырастают. Раз принцесса прибыла раньше других, значит, ее отец, как только получил письмо от ее величества, что несколько воспрянул духом и тут же отправил дочь в путь. Возможно, хочет с ее помощью поправить свои финансовые дела. Обожает охоту, и по слухам, собаки у него устроены как бы не лучше родных детей.

– Какой заботливый папаша, я просто в восторге, – я усмехнулся и взял первую бумагу из принесенного Олсуфьевым вороха. – Ладно, посмотрим, что там за принцесса такая, а пока попробую разобраться, чего хочет Флемм.

Хотел Флемм госпиталь. И не просто какой-то там госпиталь, а нечто огромное и много-профильное, с различными отделениями, включая акушерское и прививочное. А также лабораториями, в которых... я не знаю, что они вместе с Кондоиди и примкнувшим к ним Блюментростом хотели там изучать. Сомневаюсь, что медицинская наука сейчас дошла до того уровня, при котором необходимы лаборатории, если характеристику мочи на глаз проводят, а иногда и на вкус. Также отдельно стояла графа прозекторская, аптека и ученические комнаты. Ага, похоже, Флемм решил пойти в пику немцам, которые ревностно берегли медицину от пришествия в нее русских, решил создать основу медицинского университета с госпитальными клиниками. И просили они для этого дела какую-нибудь часть Ораниенбаума, какую не жалко, или прилегающую к нему территорию.

Вот тут я призадумался. Иметь под боком самый лучший медицинский корпус – это было хорошо и даже с какой-то стороны вовсе замечательно. А вот с другой стороны, иметь опять же под боком клинику, где доктора, которых гиперактивный Флемм соберет под сенью клиник, а он соберет достаточно докторов, в этом можно даже не сомневаться, привлечет в Ораниенбаум уйму совершенно ненужного мне люда. Да еще и оголтелых студентов сюда добавить, которые во все времена в любой стране вечно чем-то недовольны и так и норовят пореволюционировать.

Я перевел взгляд на уже начавший формироваться указ по гарнизонам. А что, если их совместить? Создать такой вот небольшой городок с отличной инфраструктурой в виде изначально заложенной канализации, уличным освещением и нормальными дорогами, и сделать его исключительно наполовину военным, наполовину научным? Если туда и зайдут посторонние в виде тех же лавочников и рестораторов, то только для того, чтобы обеспечивать нужды этих товарищей. А самое главное, студенты не дадут расслабиться военных, и они всегда будут на вассере, да и студенты слишком барагозить не рискнут, их тут же войска прижмут, которым они после тяжелой дневной работы будут спать мешать. А если не только медицинский, если и другой университет туда воткнуть? Это надо как следует обдумать. В Академию наук наведаться и с учеными поговорить. Ломоносов-то занят, зато там другие непонятно чем занимаются. Вот пускай делом и займутся. Полигон опять же один на всех организовать: военным под стрельбы, ученым под испытания и эксперименты, и не известно, что из этого будет опасней. Что касается финансирования, я поворошил бумаги, ага, Куракин, Роман Воронцов и несколько купцов хотят вписаться. Не прибыли для, а, чтобы иметь доступ к клиникам. Хотя, если разобраться, то та же аптека очень даже неплохую прибыль в итоге принесет, очень потому что востребованное заведение, очень. Вот и отлично. А если все пойдет как надо, то обкатаем

все процессы на этом экспериментальном городке и будем нечто подобное в каждой губернии устраивать. Пока в каждой губернии, а там уже посмотрим, что из этого выйдет.

Олсуфьев снова вошел в кабинет, оторвав меня от размышлений.

– Андрей Иванович Ушаков хочет с вами переговорить, ваше высочество. Говорит, что времени это много не займет, и он только поэтому просит от дел оторваться и ему пару минут посвятить.

– Хорошо, пускай заходит, – я протер лицо. Скоро нужно собираться идти, чтобы выехать для встречи первой гостьи на Елизаветинском девичнике. Тетушка мне никогда в жизни не простит, если я в данном случае что-то сделаю ни так, как запланировано. – Да, вели кофе сделать, а то у меня уже глаза в кучу скатываются, надо бы взбодриться.

Олсуфьев кивнул и вышел, а в кабинет тут же зашел Ушаков. Сегодня он хромал больше обычного. Я же только головой покачал, глядя, как он мужественно пытается не показывать боль.

– Присаживайся, Андрей Иванович, – я встал и радушным жестом указал на кресло.

– Покорно благодарю, ваше высочество, но я ненадолго, я ежели рассаживаться буду, то и вовсе потом встать не смогу. Одолела совсем проклятая, – он погрозил кулаком, намекая на свою разыгравшуюся не на шутку подагру. – Но ничего, этот ваш Флемм обещал примочки сделать, он мне их уже делал, действительно помогают, так что потерплю немного. Я чего пришел-то, – он задумчиво коснулся пальцами нижней губы. – Демидовы совсем не хотят ничего рассказывать. Все твердят, что неведомо им ничего, да карами мне грозят, думают, что ее величество Елизавета Петровна и не в курсе совсем, что их как татей каких в колодках Бутурлин привез. Как они себе это даже представить могут, особенно, ежели вся Российская империя в курсе, что Бутурлин до всего нутра предан государыне нашей Елизавете Петровне.

– И что я могу сделать? Андрей Иванович, давай начистоту, ты же не просто так пришел, ногу больную размять, да Флемма с его примочками найти. Говори без обиняков, что от меня требуется? – я нахмурился. Иногда меня забавляла подобная манера Ушакова разговаривать со мной, но иногда бесила, особенно, когда я был на взводе, да еще и сильно уставал при этом.

– Да вот слова ваши, ваше высочество, про то, что к таким людям следует идти уже наполовину зная их грязные секреты надобно, – он задумчиво повертел переставил трость, и посмотрел на меня. – Татищева вызвать надобно. Уж кто-кто, а Василий Никитич многое сможет о Демидовых поведать, как и о делишках, которые они проворачивали, именем августейшим прикрываясь, да что на заводах их творится, он тоже знать должен, и не понаслышке, а лично наблюдения делая.

– Так об этом не у меня дозволение нужно спрашивать, я никак не могу приказать Татищеву в Петербург пожаловать, да место свое оставить. Такие вещи с тетужкой моей Елизаветой Петровной надобно обсуждать, – я недоуменно наклонил голову набок. Проклятая привычка похоже до конца жизни меня не оставит.

– Я уже подал прошение, и ее величество так быстро, как только могла подпись свою поставила. Как объяснил ей, на чем дело застопорилось, и что желательно Василия Никитича поспросить, чтобы этим проходимцам крыть больше нечем было, так государыня сама и предложила отозвать его на побывку, да для беседы. Гонец уже в пути, – Ушаков махнул рукой. – Дело не в этом. мы с Василием Никитичем, как бы так помягче выразиться, не слишком жалуем друг друга. А ежели по чести говорить, то он и вовсе ненавидит меня, считает, что я не долг свой выполнял при его аресте, а падле этой Бирону подыгрывал. Так ведь и наветы на него были серьезные, и разобраться мне надобно было, что это именно что наветы, а не правда. И ведь разобрался же. Выпустили Василия Никитича, и даже не пострадал он, потому как не увидел я надобности пристрастные беседы с ним вести, а вот надо же, обиделся все равно жутко, здороваться даже не считает нужным, что уж тут про беседу доверительную говорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.